

УДК 27-772(571.53)+353.2(571.53)(092)
<https://doi.org/10.26516/2222-9124.2021.38.36>

Архиепископ Иринея и генерал-губернатор Лавинский: противостояние светской и духовной властей

И. Л. Дамешек, А. П. Санников

Иркутский государственный университет, г. Иркутск, Россия

Аннотация. Рассматриваются причины, вызывавшие противоречие между представителями двух главных институтов государства – института генерал-губернаторской власти, одного из важнейших политических институтов имперской России, и Русской православной церкви, значение которой в окраинных территориях страны было столь же велико, как и генерал-губернатора. Отмечается, что случаи сложных взаимоотношений светских и духовных властей в российской и региональной истории не были редкостью. На примере конфронтации генерал-губернатора Восточной Сибири А. С. Лавинского (светская власть) и иркутского архиепископа Иринея (церковная власть) анализируется причинно-следственная связь подобных конфликтов.

Ключевые слова: власть, Восточная Сибирь, генерал-губернатор, Русская православная церковь, Иркутская епархия, архиепископ, управление, конфликт властей.

Для цитирования: Дамешек И. Л., Санников А. П. Архиепископ Иринея и генерал-губернатор Лавинский: противостояние светской и духовной властей // Известия Иркутского государственного университета. Серия История. 2021. Т. 38. С. 36–51. <https://doi.org/10.26516/2222-9124.2021.38.36>

Воскресный день 20 сентября 1831 г. не предвещал иркутянам ничего знаменательного. В восемь часов вечера, как обычно, в городе раздался благовест, призывавший верующих на «позднюю Божественную литургию». Горожане потянулись в храмы. Уровень религиозности в Иркутске был достаточно высок, и церкви быстро наполнялись народом. Но вскоре среди прихожан «началось смущение», заставившее многих выйти из храма и направиться на площадь к гауптвахте. Именно здесь развернулось событие, отмеченное иркутской летописью как «бунт архиепископа Иринея». Действия развивались спонтанно, но достаточно стремительно.

В 8:30 в прихожую иркутского архиерейского дома вошел чиновник особых поручений 8-го класса Александр Иванович Голубев. Он потребовал от служителя иеромонаха Паисия отвести его в покои архиепископа Иринея, объявив, что действует по приказу генерал-губернатора Александра Степановича Лавинского «за важным делом». Архиепископ, одевшись в приличествующее сану облачение, надев ленту с орденом, приказал проводить чиновника в зал для приема и вышел для беседы. Голубев предъявил высочайший указ об отстранении архиепископа от управления епархией по причине его «умственного расстройства» и объявил, что послан от «генерал-губернатора объявить Вам, чтобы Вы готовы были к выезду сегодня в третьем часу и что ему

поручено сопровождать его преосвященство». Ответ Ириней был таким же категоричным: «Никак невозможно мне исправиться так скоро больше потому, что имеющееся у меня в ответственности имущество никому не сдано, а сдавать оное нужно время» [4, с. 576]. Архирей, осмотрев указ, объявил его подложным, так как документ был рукописный, а не печатный и отсутствовала сургучовая печать. Между сторонами возникла словесная перепалка, перешедшая в брань. Не выдержав, Голубев, отличавшийся высоким ростом и физической силой, просто схватил архиерея и поволок его на выход. Служители архиерейского дома, увидев, что чиновник тащит архиерея за рясу, побежали за караулом к шлагбауму у переезда на Московский тракт и просили солдат защитить архиепископа.

Увидев солдат, Голубев скомандовал: «Я Вам приказываю, именем бригадного мне дана власть связать его и везти» [Там же, с. 577]. Он потребовал помочь тащить Ириней к ограде консистории, где стояли лошади с дрожками. Солдаты оказались в замешательстве. Воспользовавшись заминкой, Ириней вырвался и обратился к солдатам с мольбой: «Воины! Защитники Отечества! Сохраните меня; пусть я здесь у вас умру; но только бы сей изверг не мог у меня отнять жизни и меня задушить. Ведите нас обоих куда следует». Солдаты отказались подчиниться Голубеву, сообщив, что «видя такую особу в опасности не можем тебя слушать, а должны Вас обоих препроводить куда следует и там ваше дело будет рассмотрено». Таким образом, чиновник особых поручений Голубев и архиепископ Ириней были доставлены на гауптвахту Иркутска [Там же].

Оказавшись на гауптвахте, Ириней потребовал от находящегося там плац-майора вывести солдат и построить их в шеренгу. Архиепископ встал перед фронтом солдат и обратился к ним с речью: «Православные христиане! Вы видите сумасшедший ли я, и в каком я нахожусь теперь положении! Можете видеть, что самая жизнь моя состоит теперь в опасности! Прошу Вас будьте свидетели всего, что делается со мною!» [4, с. 578]. К гауптвахте стал стекаться народ. Архирей продолжал произносить речь «бывши в чрезвычайном азарте и горячности». Он то плакал, то вставал на колени. Собравшиеся люди стали проявлять сочувствие к архиепископу. Ситуация могла выйти из-под контроля властей. Последствия могли быть непредсказуемыми.

Воспользовавшись заминкой, Голубев бежал к дому генерал-губернатора и доложил о случившемся. А. С. Лавинский отправил гонца к коменданту генерал-майору кавалерии Покровскому и потребовал доставить мятежного архиерея в арестантскую. Вскоре гонец возвратился и объявил, что комендант болен. Понимая, что события могут выйти из-под контроля, А. С. Лавинский быстро надел фрак с орденой звездой, фуражку, плащ и направился на гауптвахту. Вскоре сюда же прибыли и другие чиновники: председатель губернского правления А. Н. Муравьев, советник губернского правления А. Кабрит, гражданский губернатор И. Б. Цейдлер, городничий и др. Оказавшись на месте, А. С. Лавинский потребовал от молодого офицера увести солдат, но тот не повиновался. Тогда генерал-губернатор приказал немедленно привезти коменданта.

Прибытие генерал-губернатора еще более усилило пыл архиерея. Обращаясь к солдатам, он говорил, что гражданская власть их обкрадывает и подмешивает песок в муку. К месту подтягивался народ, и архиерей, благословляя собравшихся, объявил, что «он с крестом в одной руке и с мечом в другой, готов защищать и стать во главе народа, который страдает от гражданской власти». Собравшиеся, хоть и выражали участие к судьбе архиерея и даже многие плакали, но активных шагов не предпринимали. Семинаристы, которые могли проявить непокорность и организовать беспорядки, в большей части находились на церковной службе.

Не выдержав, А. С. Лавинский лично направился к архиепископу, схватил его за руку и стал с «ругательством и сквернословием» тащить его с площади. Ириней крепко ухватился за рядом стоящий столбик и объявил, что он поставлен императором и гражданским властям не подчиняется. Он также потребовал предъявить ему подлинный печатный указ с печатью.

Вскоре на площадь привезли коменданта. Он был совершенно здоров, но готовился праздновать именины и ждал гостей. По мнению гражданских властей, он просто решил отсидеться и не принимать участия в разворачивающихся событиях. Прибытие коменданта изменило ситуацию. Он спокойно подошел под благословение архиерея. Обращаясь к владыке, сказал: «Как и кто мог здесь помимо меня распоряжаться и брать такую особу под арест?» Солдатам была дана команда вернуться в казармы. Собравшиеся начали расходиться.

Ириней был возвращен в свои покои, но возле архиерейского дома дежурил караул. На его подворье постоянно находились солдаты с заряженными ружьями. О событиях в Иркутске генерал-губернатор А. С. Лавинский составил донесение, которое отправил в Санкт-Петербург. Приехавшие из столицы жандармский подполковник Брянчанинов и фельдъегерь Иностранцев 26 ноября 1831 г. увезли архиепископа Иридея в Спасо-Прилуцкий монастырь в Вологде, где он должен был находиться под надзором архиерея Стефана (Романовского).

Случившееся в Иркутске стало итогом конфликта между генерал-губернатором А. С. Лавинским и архиепископом Иринеем, ставшими главными фигурантами в развернувшихся событиях. Поэтому необходимо дать характеристику этим лицам.

12 апреля 1776 г. у графини Анастасии Николаевны Головиной (иногда писалось «Голавиной»), впоследствии Нелединской-Мелецкой, и Степана Сергеевича Ланского вне брака родился сын Александр. По сложившемуся правилу его фамилия складывалась частями от фамилии матери (отбрасывался слог «Го») и отца (прибавлялась конечная часть фамилии) – получилось «Лавинский». Вскоре ему было пожаловано потомственное дворянство.

Родители, как многие в дворянских семьях, выбрали для сына военную карьеру, поэтому Александр еще во младенчестве был записан в гвардию и уже 2 января 1778 г. получил звание сержанта. Во время русско-шведской войны 1788–1790 гг. находился при генерал-майоре Арбенева. С 11 января 1791 г. служил в Молдавии в звании капитана. Участвовал в подавлении

польского восстания 1793–1796 гг., во взятии Вильны, преследовании польского корпуса С. Грабовского и разгроме его на Панской дороге. В 1795 г. произведен в майоры. Но военная карьера не привлекала А.С. Лавинского, поэтому 31 декабря 1797 г. он подал рапорт об увольнении из армии.

В 1798–1799 гг. в чине коллежского асессора назначен контролером, а в 1799–1800 гг. – директором Вспомогательного банка для дворянства в чине коллежского советника. В 1800–1804 гг. был членом Главного почтового управления в чине статского советника, а в 1804–1811 гг. – литовским почт-директором в чине действительного статского советника.

В 1811 г. Александр Степанович Лавинский был назначен гражданским губернатором Виленской губернии и оставался на этой должности до 1816 г. Перед началом Отечественной войны 1812 г. содействовал армейскому командованию в организации контрразведывательной деятельности на территории губернии. Во время нашествия армии Наполеона успешно провел эвакуацию Вильно, отступил вместе с частями 1-й Западной армии. После возвращения в Вильно по поручению военного губернатора Виленской губернии генерала от инфантерии А. М. Римского-Корсакова возглавлял Виленскую временную губернскую исполнительную комиссию, способствовал восстановлению губернской администрации, боролся с распространением эпидемий. Как и многие из современников, А. С. Лавинский увлекся масонством и даже в качестве кандидата готовился к посвящению в ложу «Усердный литвин» (Вильно).

В 1816–1819 гг. А. С. Лавинский занял должность губернатора Таврической губернии. В 1819 г. он стал членом Комитета для рассмотрения дел, возникших по жалобам от татар, в Таврической губернии обитающих (1819–1820), и директором департамента государственных имуществ Министерства финансов (1819–1822). 28 декабря 1819 г. произведен в тайные советники.

В 1822 г. Александр Степанович Лавинский был назначен генерал-губернатором Восточной Сибири. Вступив на этот пост сразу после реформ Сперанского, он претворял в жизнь положения Учреждения для управления сибирских губерний.

Будучи членом Особого комитета для совещания об образе присмотра в местах ссылки за осужденными по решению Верховного уголовного суда (1826 г.), Лавинский участвовал в разработке инструкции, определившей условия пребывания декабристов на каторге и в ссылке. 1 сентября 1826 г. предписал гражданскому губернатору Иркутской губернии И. Б. Цейдлеру препятствовать приезду жен к отправленным на каторгу участникам вооруженных выступлений, под угрозой лишения их статуса и ценного имущества [7, с. 676–677].

В дальнейшем покровительствовал ряду декабристов, включая А. Н. Муравьева (добился назначения его на должность городничего Иркутска, затем председателя Иркутского губернского правления). Сыграл заметную роль в организации управления Нерчинскими сереброплавильными заводами, которые в 1830 г. были переданы в его непосредственное заведование без участия Совета Главного управления Восточной Сибири.

2 сентября 1833 г. А. С. Лавинский представил Верховному правительству записку о проблемах управления Восточно-Сибирским губернаторством по положению на 1822 г. По его мнению, основными из них являлись отсутствие должного надзора за ссылаемыми в Сибирь преступниками, двоевластие в управлении войсками внутренней стражи и их «крайнее неустройство».

Генерал-губернатор отмечал, что резкое увеличение числа приговоренных к каторжным работам, которые по Уставу о ссыльных 1822 г. ссылались на сибирские заводы и фабрики, привело к падению спроса на рабочие руки, вследствие чего значительная часть заключенных (до 50 %) фактически оставалась без надзора (из-за малочисленности и занятости «воинской охраны при заводах») и «без дела на казенном содержании». У Лавинского вызывало беспокойство то обстоятельство, что ссыльные оставались не только «без дела, но и главным образом, без надзора, который воинская охрана при заводах, в силу своей малочисленности и обязанности охранять магазины, кладовые и пр., не могла осуществлять должным образом»¹.

По его мнению, немногочисленность сельской и земской администрации препятствовала установлению должного контроля власти и над лицами, посланными на поселение. Лавинский подчеркивал, что такая ситуация приводила к росту числа побегов с заводов и поселений, увеличению масштабов преступности, причем ссыльные не испытывали сильного страха перед наказанием, поскольку оно было ограничено законом до известной степени. Выходом из сложившегося положения генерал-губернатору виделось применение против преступников из числа ссыльных Полевого уголовного уложения.

А. С. Лавинский указывал на несовершенство механизма взаимодействия гражданских и военных властей, полагая, что на основании §159 п. 3 Учреждения генерал-губернатор имел лишь формальный контроль над войсками. Такую двойственность он считал опасной и настаивал на передаче всего командования над войсками генерал-губернатору. По его мысли, соединение в одном лице высшей гражданской и военной властей значительно укрепило бы положение генерал-губернатора как единого начальника края [1, с. 27].

Волновало генерал-губернатора также неустройство внутренней стражи. Войска, расположенные в регионе, состояли большей частью из «порочных людей», переведенных сюда из других полков и команд после неоднократных наказаний. Эти люди продолжали совершать различные преступления «в настоящих местах служения», поэтому для укрепления состава воинских команд он предлагал комплектовать внутренние войска рекрутами, поступающими из внутренних губерний, набираемых же в Восточной Сибири отсылать в другие места, прерывая тем самым связи между солдатами, поселенцами и местными жителями. На места офицеров, «по дурному поведению для службы непригодных», генерал-губернатор намеревался назначить благонадежных –

---

¹ РГИА. Ф. 109 (III Отделение). 1 эксп. Оп. 8. Д. 253. Л. 8–8 об.

«из числа унтер-офицеров испытанной нравственности» и достойных производства в обер-офицерские чины². Итогом подачи этих предложений, оформленных в виде записки в адрес Верховного правительства, стала передача командования над войсками Восточной Сибири генерал-губернатору.

Александр Степанович Лавинский был женат на дочери директора Академии наук Андрея Осиповича Закревского и княжны Марии Ивановны Одоевской – Анне. Этот брак трудно назвать счастливым. В браке родилось двое детей – сын Сергей и дочь Елизавета. Дочь была больна, ей требовалось постоянное лечение. Мать увезла ее в Париж, где они и проживали, приняв католичество. Император Николай I потребовал от Лавинского возвращения жены. Анна с дочерью вынуждены были приехать в Иркутск. Жена осталась преданной католичкой, при ней находился ксендз. Дочь Елизавета плохо говорила по-русски, но отец ее очень любил. Вскоре он приобщил ее к православию, и на службах они появлялись вместе.

А. С. Лавинский был религиозен, старался не пропускать церковные службы, соблюдал посты. По статусу генерал-губернатору необходимо было посещать Богоявленский собор, главный храм Иркутской епархии. Но он предпочитал Тихвинскую церковь Иркутска, которую любил больше. Кроме того, он до страсти любил церковное пение, в котором отлично разбирался. При Тихвинской церкви был хор певчих, собранный из казаков и горожан. Сочетание умелой проповеди протоиерея Прокопия Громова, слаженности в действиях причта и церковного пения создавали удивительную гармонию церковной службы. Вскоре эту же церковь, желая быть ближе к генерал-губернатору, стали посещать многие чиновники и купцы, что не понравилось иркутскому архиепископу.

Быт генерал-губернатора был довольно скромным. Ему был предоставлен большой дом, однако в нем «хозяин края» устраивал только официальные приемы и давал балы. Сам проживал в небольшом флигеле при доме. На нижнем этаже жил сам, а на верхнем – дочь. А. С. Лавинский любил музыку и танцы, часто устраивал балы, был общителен. Его с удовольствием и радостью принимали во многих купеческих домах Иркутска. С иркутскими купцами он часто обсуждал нужды торгового промысла. По воспоминаниям Э. И. Стогова, занимавшего в 1830–1833 гг. пост начальника Иркутского адмиралтейства, «Лавинский был очень добрый человек, с большим тактом главного администратора. Лавинский все знал, что делается, на маленькие злоупотребления он смотрел снисходительно, а большие останавливал тем, что давал знать стороне, что это дело ему известно – и этого было довольно...» [9, с. 114].

После десяти лет пребывания в Сибири А. С. Лавинский неоднократно просил об освобождении его от должности иркутского генерал-губернатора. Первое прошение было направлено Николаю I в 1832 г. В ответ он получил от императора в подарок табакерку с портретом государя и бриллиантами и

---

² РГИА. Ф. 109 (III Отделение). 1 эксп. Оп. 8. Д. 253. Л. 13 об.

просьбу оставаться на своем посту. Николай I писал: «Если я найду Вам равного по достоинству, то где найду Вам равного по опытности» [9, с. 116]. Однако А. С. Лавинскому хотелось вернуться в Санкт-Петербург, двигали желанием его болезнь и необходимость устроить судьбу любимой дочери.

В 1833 г. он оставил пост сибирского губернатора и вернулся в столицу. Ни уговоры, ни даже угрозы А. Х. Бенкендорфа, ни личные обращения императора не заставили Лавинского вернуться в Иркутск. Ошибочно полагать, что он был отстранен от должности, как указывается в некоторых работах. Николай I ценил административные способности этого человека, о чем свидетельствует скорое назначение в Сенат, награждение в 1834 г. орденом Святого Владимира 1-й степени (ранее был награжден орденами Святой Анны 2-й степени с алмазами (1810 г.), Святого Владимира 2-й степени (1820 г.), Святой Анны 1-й степени и Святого Александра Невского (1829 г.)) и производство 31 декабря 1835 г. в действительные тайные советники. В 1836 г. А. С. Лавинский стал членом Государственного совета по Департаменту гражданских и духовных дел. Это было достойное завершение успешной карьеры.

В дальнейшем он был членом попечительских комитетов ряда учебных заведений и благотворительных учреждений: почетным опекуном (1837 г.) и председательствующим (1841 г.) совета управляющего Сохранной казной при Санкт-Петербургском воспитательном доме, членом советов, учрежденных при Воспитательном обществе благородных девиц, и училища ордена Святой Екатерины (1838 г.), почетным членом Московского общества сельского хозяйства.

Умер А. С. Лавинский 2 августа 1844 г. в Санкт-Петербурге. Похоронен на Лазаревском кладбище Александро-Невской лавры.

Другим был архиепископ Иринея. 25 января 1783 г. в семье священника с. Старые Дмитрушки Уманского уезда Киевской губернии Гавриила Нестеровича (или Несторовича), серба по национальности, и его жены-молдаванки родился сын, названный Иваном. Для мальчика из религиозной семьи карьера была определена заранее – это духовное поприще. Однако желание родителей и устремления самого Ивана Нестеровича совпадали. После обучения в семинарии он поступил в Киевскую духовную академию, которую с успехом окончил в 1805 г.

Как талантливого выпускника, его оставили в академии учителем математики, латинского и немецкого языков; а в 1810 г. перевели в Яссы в Молдовлахийское училище учителем русского и греческого языков. Карьера Ивана Нестеровича развивалась стремительно. В 1812 г. он был направлен в Кишинев для обустройства семинарии. 11 ноября 1813 г. принял постриг в монашество с именем Иринея, в дальнейшем рукоположен в иеромонаха, а в 1815 г. – в игумена Городищенского монастыря в Бессарабии. 25 мая 1817 г. был назначен архимандритом Курковского Рождество-Богородицкого монастыря Кишиневской епархии. По воспоминаниям адъютанта императора князя Голицына, при посещении Бессарабии Александром I архимандриту Иринею «был назначен час службы литургии. Приходит назначенный час, а службы нет. К архимандриту является адъютант, и от имени государя велит

ему служить. Тот в это время читал перед причастием положенные молитвы, и отвечает: “Ты адъютант царя земного, а я адъютант царя небесного”» [5, с. 163]. Этот случай заставил говорить об Иринее как об усердном служителе и ревнителе православия. В 1820 г. он получил новое назначение – на должность ректора Кишиневской семинарии, стал членом консистории. Именно здесь Иринею представился случай, изменивший его карьеру.

В Бессарабии была размещена 16-я пехотная дивизия под командованием генерал-майора Михаила Федоровича Орлова, члена тайного общества «Союз благоденствия». Орлов учредил в дивизии школу для нижних чинов взаимного обучения (ланкастерскую школу). Начальником этой школы он назначил Владимира Федосеевича Раевского, также входившего в «Союз благоденствия». Раевский использовал ланкастерскую школу для обучения солдат не только военному делу, но и основам политических знаний. Он готовил учебные программы и конспекты уроков для юнкеров и воспитанников школы. Новороссийский и бессарабский генерал-губернатор граф Михаил Семенович Воронцов поручил Иринею наблюдение за ланкастерскими школами как человеку, умевшему проникать в души людей. Увидев в этих школах рассадник свободомыслия, архимандрит составил донос на В. Ф. Раевского, который 6 февраля 1822 г. был арестован как «главный виновник ослабшей дисциплины по 16-й дивизии». Необходимо сказать, что это был не единственный донос на Раевского, но Иринею своим поступком заслужил репутацию ревнителя монархических и государственных устоев.

Его деятельность не была забыта, уже в 1824 г. его вызвали в Петербург и назначили законоучителем 1-го кадетского корпуса. По воспоминаниям его выпускника Григория Даниловича Похитонова, «он учил в классе и проповедовал в церкви, но мы никогда не могли его вволю послушаться... Мы перед ним все были открыты; выбалтывали ему все наши горести. Проповеди его были неподготовленные, очень простые и теплые, всегда направленные к подъему наших чувств в христианском духе, и он произносил их прекрасным звучным голосом, который долетал во все углы церкви. Уроки же его, или лекции его отличались необыкновенной простотой и тем, что мы могли его обо всем спрашивать и прямо, ничего не боясь высказывать ему наши сомнения и беседовать» [8, с. 342–344].

После подавления восстания декабристов об архимандрите Иринее вспомнили. 31 января 1826 г. он был посвящен в сан епископа Пензенского и Саратовского. Это был крутой взлет в его карьере, но к административной деятельности Иринею оказался не готов. Его стремления к идеальному служению, порядку и образцу наталкивались на реалии провинциальной глубинки. Высокая планка служения, которой он придерживался сам, упиралась в неподготовленность сельского духовенства, многие представители которого по образу жизни и быту были более близки к крестьянству.

На новом месте служения владыка продолжал проповедовать, старался лично наставлять прихожан, думал о христианизации неправославного населения. Особое внимание архиерей уделял обрядности и правильности ведения служб, он требовал от причтов четкости и безукоризненности, чего

сложно добиться в обычной епархии. По воспоминаниям современников, «начинают певчие петь херувимскую, запоют; владыка крикнет: “Не ту!” Певчие находят другую и затягивают. Владыка: “Не ту!” Запоют третью, четвертую, пятую... А владыка все: “Не ту!”... Наконец поют, и владыка молчит. Значит – ту, и служба пойдет своим порядком» [5, с. 159].

Объезжая приходы, Ириной отстранял от служения и высылал в Пензу безграмотных священников. Заставлял их обучаться чтению, письму и правильному совершению богослужения. Однажды за такую поездку им было отстранено и выслано 50 человек. Его требовательность и строгость к приходскому духовенству поражала многих. Пошли разговоры о его чудачествах. Так, священнику с. Шереметевка дано было знать, что «приедет преосвященный; священник приказал вымыть пол. Преосвященный, входя в церковь, увидел, что пол сейчас вымыт, остановился и говорит: “Что вы к моему приезду полыто моете?” Обернулся и назад уехал в следующее село, Лопуховку. Лопуховская церковь в это время ремонтировалась и около нее стояли леса. Преосвященный вышел из кареты, увидел леса и говорит: “Это что? Вы убить меня хотите? И поехал дальше”. В селе Вязовка архиерей приехал к обедне. Вошел на крыльцо, да и стал. Диаконны кадить, усердствовать, а преосвященный молчит, смотрит в землю и стоит. Диаконны перестанут немножко, да и опять примутся усердствовать: положат ладану, да и ну размахивать. А преосвященный стоит, да и только. Наконец-то лакей вынул из кармана платок, обтер ему ноги, и преосвященный пошел в церковь и стал служить» [Там же, с. 162].

Слухи о чудачествах архиерея быстро распространялись по епархии. Ириной любил повторять: «Хотя имя мое, Ириной, значит мир, но я ни с кем не мог быть в мире». Неожиданно 26 июля 1830 г. он получил назначение в Иркутск с возведением в сан архиепископа Иркутского, Нерчинского и Якутского. Во многих церквях прошли благодарственные молебны, а приходское духовенство вздохнуло свободнее.

Назначение Ириныя связано с кончиной иркутского архиепископа Михаила. По оценке современника, писателя И. Калашникова, Михаил «был нрава кроткого, управлял паствою с христианскою кротостью и смирением. Любил просвещение и, присутствуя на экзаменах в гимназии в 1817 году, даже с соборной кафедры в архипастырском поучении убеждал жителей отдавать детей в училища» [3, с. 274]. Жители любили своего архипастыря. В Иркутске даже существовал обычай: в престольный праздник кто-либо из купцов города приглашал архиепископа на обед, Михаил скромно принимал приглашения. Принимать архиерея считалось особой честью. Святитель больше стремился к жизни духовной, был истинным монахом, смиренным, кротким, незлобивым. По доброте своей он распустил духовенство епархии, о чем знали в Синоде, но терпели из уважения к святителю.

Иркутяне считали его недостаточно решительным и обратились «к петербургскому митрополиту Серафиму с просьбой о назначении, на место скончавшегося, человека доброго, кроткого, не уклончивого, такого владыки, который мог бы защитить Иркутск от властей, подобных Трескину, на что и последовало повеление императора Николая Павловича “избрать самого твердого и надежного и перевести в Иркутск”» [6, с. 25].

На место службы Ириной прибыл 17 октября 1830 г. К этому времени уже сформировалась его политическая и общественная позиция. Ириной был сторонником независимой духовной власти и как мог отстаивал свои убеждения. Он часто повторял: «Я власть, я наместник Христа, другой власти нет!» Ириной говорил, что Сибирь, «в которой можно было видеть одновременно, на противоположных окраинах ее, восточной и западной, восхождение и захождение солнца», открывала огромные перспективы для реализации его планов³. Он стремился иметь власть, соединяющую духовное и светское начала, чувствовал необходимость усиления роли церкви в общественной жизни. Но его методы были ошибочны. По мнению историка Е. Н. Туманик, «в далекой сибирской провинции архиепископ поставил перед собой тайную цель небывалого возвышения, он хотел контролировать все – и духовное, и, негласно, светское – властвовать над умами и судьбами людей» [10, с. 402].

На верующих архиепископ Ириной производил огромное впечатление: «На вид ему было около 45 лет, – среднего роста, сложен очень правильно, не сухощав и не расположен к толстоте, движения очень грациозны и выражают физическую силу и энергию; лицо мужественно, принадлежит к типу южных славян; густой брюнет, глаза черные, большие, полные блеску, взгляд быстрый, пронизательный; волосы черные без седого волоса, густые, длинные, но крупно волнистые, чем скрадывали большую длину; волосы казались тонкими и блестящими, борода черная, небольшая; голос самый чистый – грудной мягкой тенор. Владел интонацией голоса так гибко, легко, так верно и хорошо...» [9, с. 103–104].

Его умение вести службы и произносить проповеди поражало прихожан. «Всякое служение, он говорил поучения экспромтом, поучения всегда строгие в слабостях без снисхождения, пороки громил и предавал анафеме, говорил просто, понятно, но рылся в слабостях мужчин и женщин без милосердия, как химик доискивался начала всех начал. Раз в женском монастыре говорил поучение, так глубоко объяснил им принятый ими обет и закончил таким грозным эпилогом... Все монахини рыдали истерически, некоторых вынесли в обмороке» [Там же, с. 104].

На новом поприще Ириной отличали большая энергия, активность, требовательность к подчиненным. За короткое время он привел в порядок дело-производство в консистории, принял меры к улучшению миссионерской деятельности. В декабре 1830 – феврале 1831 г. он обратился к епархиальному духовенству с указанием, чтобы причт церковью каждую субботу изучал священные и богослужебные книги, а причетники учились читать тексты без ошибок и занимались нотным пением. Старший священник церкви должен был каждую неделю отмечать, какие задания он давал членам причта, а также какие тексты они изучали и насколько успешно⁴. Конечно, эти распоряжения существенно усложнили обычные обязанности членов клира и едва ли им обрадовалось приходское духовенство. Ириной не учитывал особенности епархии, где лишь 23 % священников имели семинарское образование.

³ Русская старина. 1879. Т. 24. С. 377.

⁴ Сибирский архив. 1912. № 11. С. 851–855.

Любое неповиновение воле архиерея жестко наказывалось. Отстранения от служения шли одно за другим. Только в Иркутске Ириней отстранил от служения четырех протоиереев – Громова, Парнякова, Петухова, Масюкова. Приверженность архиерея внешним формам поражала: «Не обедня, а ротное ученье: Ключарь, перевяжи галстук архиерейскому – узлом назад! Священнику не подобает носить смазанные сапоги со скрипом – 20 поклонов! Читающему дьячку: Стой! Пропустил точку с запятой, читай снова, да не кобенься. Певчим – всем доставалось!» [9, с. 103]. В Иркутске проявилась еще одна черта характера Иридея – властность, он не терпел возражений ни в чем.

Иркутский городничий А. Н. Муравьев так описывал убеждения и действия владыки: «... он есть гонитель внутреннего истинного христианства, не требуя ни покаяния, ни сердечной молитвы... но токмо наружное хождение в церковь, поклоны... одни внешние знаки христианства... преследуя тех, кои, при наружном богослужении, упражняются и внутренним... насмешками, бранью и даже выходя из границ благопристойности, сжимая кулаки и телодвижениями, походящими на драку и побои». А. Н. Муравьев заключает: «Если он долго останется здесь, то истребит самое семя истинной религии...» [10, с. 404].

Серьезный конфликт произошел у Иридея с настоятельницей Знаменского женского монастыря Илларией (Нечаевой), происходившей из богатейшей купеческой семьи Басниных. Она сочетала в себе черты рачительной хозяйки, строгой и справедливой настоятельницы. Иллария вопреки предписанию архиепископа отказалась принять в монастырь беременную дочь священника. Она считала виновником греха самого архиерея. Не выдержав нападок архиепископа Иридея, она выступила против его самодурства и несправедливости. Иллария направила в Синод прошение с перечислением всех своих деяний для монастыря, а их было немало, и изложением причин гонения на нее со стороны архиепископа. Ириней, ссылаясь на неграмотность игуменьи, своим указом отстранил Илларию от управления Знаменским монастырем. Мощная поддержка братьев, купцов Басниных, вхожих в высшие московские и петербургские круги, помогли ей выстоять и победить в этой неравной, казалось бы, борьбе. После смещения Иридея она была полностью оправдана и восстановлена в правах игуменьи.

Одновременно Ириней начинает борьбу против представителей гражданской администрации. Главным своим противником он считал иркутского городничего А. Н. Муравьева, сосланного в Сибирь по делу декабристов и очень популярного среди жителей города. Муравьев снискал популярность своими административными мерами, не был замечен во взяточничестве и оказывал влияние на духовно-культурную среду: устраивал гуляния для обывателей и организовывал общегородские праздники. К тому же Муравьев был выдвиженцем А. С. Лавинского и находился под его покровительством. Таким образом, удар по иркутскому городничему ослаблял позиции самого генерал-губернатора, приблизившего к себе государственного преступника.

Сначала Ириней попытался действовать традиционным и испытанным методом. Он составил донос, обвинив Муравьева в негласных связях с декабристами, отбывавшими наказание в Петровском Заводе, но обвинения не подтвердились. Тогда он обвинил Муравьева в превышении административных полномочий, активном вмешательстве в сферу духовного управления, расколе иркутского купечества и духовенства на партии, поддержке «злонамеренной» части городского общества, а также чуть ли не в подготовке антиправительственного заговора с намерением стать «сибирским принцем» [4, с. 101]. Архиепископ привлекал на свою сторону всех недовольных действиями Муравьева, в частности главу городской думы купца К. П. Трапезникова. Ириней противился многим действиям Муравьева. Так, в бытность последнего городничим перед Владимирской церковью Иркутска был разбит сквер с дорожками и высажен кустарник. Архиерей потребовал вырубить кустарник, сославшись на то, что видел, «как в кустах блуд творят». В мае 1831 г. во время крестного хода Ириней приказал городничему шествовать в своей свите, что не могло быть исполнено. В ответ на «непокорность» городничего владыка усилил свою травлю – во время проповеди в Богоявленском соборе он обрушился на Муравьева, не жалея черных красок и сравнений, понимая, что при стечении народа последний ответить не сможет. Муравьев вынужден был обратиться за поддержкой к генерал-губернатору А. С. Лавинскому.

Генерал-губернатор долгое время снисходительно смотрел на деятельность вновь назначенного архиерея. Заметим, что количество жалоб все возрастало, у А. С. Лавинского просили защиты обиженные архиереем чиновники, купцы, духовенство, духовные правления, члены консистории. Он вынужден был вмешаться и написал обер-прокурору Синода П. С. Мещерскому послание с подробным описанием действий Ириней и просил «об ограждении... от нападков и притязаний архиепископа». Иринейю пришлось грозное замечание, что еще более разозлило владыку. Теперь обвинения посыпались в адрес самого генерал-губернатора.

Архиепископ обвинил А. С. Лавинского в стремлении создать «новый собор» при Тихвинской церкви, «отвращении гражданских чиновников и почтеннейших граждан» от Богоявленского собора, «разстройстве духовенства», заведении «соблазнительной по театральному напеву казачьей капеллы», отделении для себя особого места, где «устроил возвышенное со ступенями седалище и принимал особенную от священнодействующих честь», покровительстве ламаизму. На воскресной службе в Богоявленском соборе, куда генерал-губернатор пришел в парадном, расшитом золотом мундире, Ириней публично в проповеди оскорбил Лавинского, назвав его «золотым тельцом», призвав «убегать таких людей, как заразы, губительной для души». Когда священник, по принятому обычаю, сделал легкий поклон в сторону генерал-губернатора, архиепископ на весь храм обрушился на него: «Кому ты кланялся? Ты – пастырь, кланялся овце твоего стада!» [9, с. 107].

А. С. Лавинский не подал вида, что оскорблен, но предпринял ответные действия. Он обратился лично к императору Николаю I и представил все действия архиепископа Ириней «как странности по умственному разстройству». Это был хорошо продуманный ход, поскольку император уважал церковных

иерархов и на конфликт с ними никогда бы не пошел. Высшее духовенство, соблюдая «честь мундира», явно поддержало бы своего представителя. Поводов для следственных действий не имелось, равных по статусу вакантных кафедр для перемещения тоже не было.

26 июня 1831 г. обер-прокурор Петр Сергеевич Мещерский огласил членам Синода повеление: «По дошедшим до государя императора сведениям о беспорядках, произошедших по Иркутской епархии во время управления оною архиепископа Ириней, и о предосудительных его действиях по коим полагать должно, что он подвергся разстройству умственных способностей, его величество высочайше повелеть соизволил удалить его немедленно от управления епархией и запереть в монастырь, с назначением ему содержания, а на место его представить кандидатов...» [4, с. 563].

9 июля 1831 г. Синод определил: «Означенного архиепископа Ириней, по таковым удалении от управления епархией, не допускать более до священнослужения... Пребывание ему иметь Вологодской епархии во второклассном Спасоприлуцком монастыре, где сверх бдительного за ним надзора настоятеля сего монастыря иметь таковой же и Вологодскому епархиальному архиерею, а касательно образа жизни и поступков доносить Синоду по треть года...» [Там же, с. 564–565]. Генерал-губернатору предписывалось найти надежного чиновника для препровождения архиерея в Вологду. На содержание Ириней в монастыре выделялось 1200 руб. в год.

18 июля 1831 г. Николай I назначил на иркутскую кафедру пермского епископа Мелетия (Леонтовича), и уже 23 июля 1831 г. Синод подготовил соответствующий указ.

В Иркутске эти документы получили 4 сентября 1831 г., хотя многие чиновники уже знали о случившихся в столице событиях. Город полнился слухами. Духовенству было объявлено упоминать в ходе богослужений в качестве архиерея Мелетия, при этом архиепископ Ириней находился в Иркутске. Действия властей вызвали вполне естественное возмущение последнего. Он объявил указ подложным и продолжал служения. Генерал-губернатор медлил с выполнением указа, что во многом и спровоцировало события 20 сентября 1831 г.

Мелетию «вместе с назначением на иркутскую паству, поручено было доставить Св. Синоду сведения о неблаговидных поступках Ириней и самого генерал-губернатора Лавинского, сильно взволновавших Иркутск. Высший слой общества поддерживал генерал-губернатора, а остальная и большая часть жителей стояла за архиерея» [2, с. 24]. Ириней обратился к членам Синода с прошением, в котором изложил свое видение событий. Главным виновником он выставил генерал-губернатора, якобы «присвоившего себе особые почести в церкви». Было начато следствие, которому удалось установить: 1) ничего отличающегося от обыкновенных приходских церквей в Тихвинской церкви не было; 2) певчие, собранные еще при губернаторе Трескине, «поют протяжно и ничего соблазнительного в их пении не замечено»; 3) певчие имели небольшое особое помещение, но только для приготовления к пению; 4) генерал-губернатор Лавинский никакого «возвышенного со ступе-

нями седалища не устроил». В церкви оставались два кресла со времен Трескина, но Лавинский ими не пользовался, и лишь его дочь опиралась на них, когда ей становилось трудно стоять; 5) служители иногда «медлили со службой» в ожидании прибытия генерал-губернатора, но лишь для того, чтобы не прерывать службы с его приходом и не отвлекать других прихожан, но не более чем на четверть часа; 6) иногда генерал-губернатору дьяконом подносились отдельная просфора и вино, что было заведено ранее. Синод издал специальный указ архиепископу Мелетию, запретив впредь оказывать генерал-губернатору какие-либо особые почести в церкви.

Действия архиепископа Ириней никто не решился назвать антиправительственным выступлением, хотя среди иркутян прочно закрепилось слово «бунт». Формулировка «помрачение умственных способностей» в этих условиях оказалась как нельзя кстати. Удаление строптивного владыки положило конец одному из самых острых конфликтов между светской и духовной властями в Восточной Сибири.

После своего удаления в Спасо-Прилуцкий монастырь Ириней, «ведя строго-подвижническую жизнь... успел заслужить глубокое уважение жителей Вологды». Членам Синода стало ясно, что о душевной болезни нового монаха говорить не приходится, ему был возвращен сан архиерея и разрешено церковное служение. С 1848 г. он управлял Ярославским Толгским монастырем. Там он и умер 18 мая 1864 г.

События, произошедшие в Иркутске 20 сентября 1831 г., говорят нам о сложных взаимоотношениях светских и духовных властей. Усиленные личными качествами двух администраторов – архиепископа Ириней и генерал-губернатора А. С. Лавинского, они вылились в открытое противостояние, от которого ни одна из сторон не получила выигрыша. Стало очевидно, что церковь уже не имеет той экономической и политической мощи, чтобы воздействовать на гражданскую администрацию; а светские власти не имеют рычагов влияния на церковь. Необходима была новая модель взаимодействия церкви и гражданской администрации в Восточной Сибири, что могло бы способствовать развитию края. И лишь отношения генерал-губернатора Н. Н. Муравьева-Амурского и святителя Иннокентия (Вениаминова) заложили основы этой модели.

Список литературы

1. «Господин главный начальник края»: история Восточно-Сибирского и Иркутского генерал-губернаторств / сост. И. П. Белоус, Л. М. Дамешек [и др.]; науч. ред. И. Л. Дамешек. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2013. 83 с.
2. Дулов А. В., Санников А. П. Православная церковь в Восточной Сибири в XVII – начале XX веков. Иркутск, 2006. Ч. 2. 324 с.
3. Записки иркутских жителей. Иркутск, 1990. 544 с.
4. Ириней Нестерович, архиепископ Иркутский // Русская старина, 1882. С. 95–118, 561–586.
5. Ириней, епископ Пензенский // Русская старина. 1879. С. 159–163.
6. Иркутск, его место и значение в истории и культурном развитии Сибири. М., 1891. 278 с.

7. К истории декабристов [Предписание И. Б. Цейдлеру, 1 сентября 1826] // Исторический вестник. 1898. Т. 72. Май.
8. Лесков Н. С. Собрание сочинений. М., 1957. Т. 6. 688 с.
9. Стогов Э. И. Бунт архиепископа Иринея // Русская старина. 1878. С. 99–117.
10. Туманик Е. Н. «Бунт» архиепископа Иринея: причины и тайные пружины // Проблемы истории, русской книжности, культуры и общественного сознания. Новосибирск, 2000. С. 399–405.

Archbishop Irinej and Governor-General Lawinski: The Path to Confrontation between the Secular and Spiritual Authorities

I. L. Dameshek, A. P. Sannikov

Irkutsk State University, Irkutsk, Russian Federation

Abstract. The institute of governor-general authorities is one of the most important political institutes of imperial Russia. Its importance in the country's outlying territories was exceptional. At the same time, the importance of the Russian Orthodox Church in the outlying regions of the country was also significant. The Church promoted the integration of the country's outlying territories into a single imperial framework. Unfortunately, in world and Russian history there have been numerous instances of confrontation between secular and spiritual authorities. These confrontations often led to open conflicts. An example of this is the confrontation between the governor-general of Eastern Siberia Lawinski A.S., and Irkutsk Archbishop Irinej, discussed in this article.

Keywords: power, governor-general, Russian Orthodox Church, archbishop, governance, conflict of authorities.

For citation: Dameshek I. L., Sannikov A. P. Archbishop Irinej and Governor-General Lawinski: The Path to Confrontation between the Secular and Spiritual Authorities. *The Bulletin of Irkutsk State University. Series History*, 2021, vol. 38, pp. 36-51. <https://doi.org/10.26516/2222-9124.2021.38.36> (in Russian)

References

1. Belous I.P., Dameshek L.M. et al. “*Gospodin glavnyj nachal'nik kraja*”: istoriya Vostochno-Sibirskogo i Irkutskogo general-gubernatorstv [“Lord chief of the region”: History of the East Siberian and Irkutsk governor-generalships: Textbook]. Irkutsk, Irkutsk State University Publ., 2013. 83 p. (in Russian)
2. Dulov A.V., Sannikov A.P. *Pravoslavnaya cerkov' v Vostochnoj Sibiri v XVII – nachale XX vekov* [The Orthodox Church in Eastern Siberia during the 17th – early 20th centuries]. Irkutsk, 2006, part 2, 324 p. (in Russian)
3. *Zapiski irkutskih zhitelej* [Notes of Irkutsk residents]. Irkutsk, 1990, 544 p. (in Russian)
4. Irinej Nesterovich, arhiepiskop Irkutskij [Irinej Nesterovich, the Archbishop of Irkutsk]. *Russkaya starina* [Russian antiquity], 1882, pp. 95-118, 561-586. (in Russian)
5. Irinej, episkop Penzenskij [Irinej Nesterovich, the Bishop of Penza]. *Russkaya starina* [Russian antiquity], 1879, pp. 159-163. (in Russian)
6. Irkutsk, ego mesto i znachenie v istorii i kul'turnom razvitii Sibiri [Irkutsk, and its place and significance in the history and cultural development of Siberia]. Moscow, 1891, 278 p. (in Russian)
7. *K istorii dekabristov (Predpisanie I.B. Cejdleru, 1 sentyabrya 1826)* [To the History of Decembrists (Instruction to I.B. Zeidler, September 1, 1826)]. *Historical Bulletin*, 1898, vol. 72, May.

8. Leskov N.S. *Sobranie sochinenij* [The collected works]. Moscow, 1957, vol. 6, 688 p. (in Russian)
9. Stogov E.I. Bunt arhiepiskopa Irineya [Revolt of the Archbishop Irinej]. *Russkaya starina* [Russian antiquity], 1878, pp. 99-117. (in Russian)
10. Tumanik E.N. "Bunt" arhiepiskopa Irineya: prichiny i tajnye pruzhiny [The revolt of the Archbishop Irinej: causes and secret springs]. *Problemy istorii, russkoj knizhnosti, kultury i obshchestvennogo soznaniya* [Problems of history, Russian literacy, culture and social consciousness], Novosibirsk, 2000, pp. 399-405. (in Russian)

Дамешек Ирина Львовна

*доктор исторических наук, профессор,
Педагогический институт
Иркутский государственный университет
Россия, 664003, г. Иркутск, ул. К. Маркса, 1
e-mail: dameshek@rambler.ru*

Dameshek Irina Lvovna

*Doctor of Sciences (History), Professor,
Irkutsk State University, Pedagogical
Institute
1, K. Marx st., Irkutsk, 664003,
Russian Federation
e-mail: dameshek@rambler.ru*

Санников Александр Павлович

*кандидат исторических наук, доцент,
кафедра истории России
Иркутский государственный университет
Россия, 664003, г. Иркутск, ул. К. Маркса, 1
e-mail: aps.72@mail.ru*

Sannikov Alexandr Pavlovich

*Candidate of Sciences (History), Associate
Professor, Department of History of Russia
Irkutsk State University
1, K. Marx st., Irkutsk, 664003,
Russian Federation
e-mail: aps.72@mail.ru*